

Белла АХМАДУЛИНА: 920 447 111. Дни рождения - 1992. - 25.4.1994 - С.3

"Для меня никогда не существовало запретных тем"

Живет поэтесса Белла Ахмадулина в Москве "среди картин и потолков высоких" - так один поэт описал ее квартиру в доме на прилегающей к Новому Арбату улице Воровского. В разговоре о поэзии, который мы вели, нельзя было не коснуться того, о чем сейчас думают и спорят.

- Говорят, что нынче снизился интерес к стихам. Сдали свои позиции поэты. Читатель больше тянется к газетным статьям. Разделяете ли вы подобное утверждение?

- Не думаю, что утратился интерес к поэзии. Мне кажется, публика стала много тоньше. Не обязательно собираться на стадионах, чтобы слушать стихи. Когда-то такое было, я тоже выступала в Лужниках перед тысячной аудиторией. Но это была дань времени. Истинный поэт - всегда поэт. Он не может перестраиваться, он может только меняться. Вот мы с вами последний раз встречались лет пять назад. Мне кажется, я изменилась с тех пор к лучшему. Впрочем, пусть судит читатель.

- Еще недавно литераторы жаловались, что на многие темы наложено табу. Сейчас запреты сняты. Нет ли растерянности?

- Я всегда писала то, что хотела. Для меня никогда не существовало запретных тем. Сейчас

меня много печатают, раньше почти все отвергали, но несильно я огорчалась. Теперь радуюсь за других, выход настоящей литературы к читателю - благо. И это обязательно скажется на жизни людей, на их духовности. Очень хочется, чтобы и жизнь, и литература изменились к лучшему.

Возвращаясь к вашему вопросу, скажу, что растерянности не ощущаю. Конъюнктурой никогда не интересовалась, поэтому мне не стало ни легче, ни труднее. Литература - не погода, которая меняется от направления ветра. В ней действуют вечные законы, существуют вечные истины и вечные темы.

- Вы сказали песни, прозу. Не ждете ли читателей еще какой-нибудь сюрприз?

- Вы сказали песни, а я их специально никогда не писала: не умею, хотя желала бы. Песни появляются, потому что композиторы берут мои стихи и придумывают к ним музыку. Это их право, я не волна что-то изменить, да и не хочу. Пусть все будет, как есть. Что касается жанров - вдруг размечтаюсь и наплету какому-нибудь цирковому артисту, что напишу для него репризу или что-то в этом духе. И поначалу сама верю, что смогу. Но не всегда получается. Считаю, что занятие прозой есть доказа-

тельство высочайшей зрелости. К прозе кто-то подходит раньше, кто-то позже. Иногда чуждую непреодолимую тягу к ней, есть мысли и чувства, которые можно воплотить только в прозе. Но чего-то мне недостает, видимо, есть какой-то изъян, который мешает стать прозаиком. Впрочем, кое-что написала, но все очень сыро, нужно править, а я не могу прикоснуться к рукописи - в ней не отражен мой сегодняшний дух.

Что касается стихов, они не пишутся, а возникают. Шли мы как-то по берегу моря с прекрасным поэтом Александром Кушнером. Он сказал: посмотрю на волны - и рождается стихотворение. Я всегда восхищалась поэзией Кушнера, но мне мало посмотреть на что-то, чтобы написать. Мне нужно уединение, необходимо уехать из Москвы, туда, где другая жизнь. Много писалось в удивительной Тарусе, в Карелии, в Вологодской области. Но дело не в каких-то определенных местах. Наверное, в смене образа жизни, окружения. Поживешь где-то в глуши дней десять, и вдруг отыскивается нужное слово. И тогда пишется и пишется. Я могу работать и день, и ночь без перерыва, пока не затихнет звук, возникший в душе.

- Если вы не считаете процесс творчества таинством, в которое

нельзя посвящать других, расскажите, пожалуйста, о создании какого-нибудь стихотворения. Что послужило толчком к его написанию, получились ли оно сразу или сначала вы улавливали только одну строку, которая помогла найти интонацию всей вещи. Ваш рассказ был бы интересен любому читателю.

- Я никогда не считала сочинение стихов таинством. Все можно объяснить. И то, как садовник растит яблоню. И то, как портной шьет платье. Если человек одарен, если он любит свое ремесло, он может нас познакомить в него, рассказать живо и подробно. Секретов мастерства нет. Это профессионалы любят говорить, о тайне, напускать туман. Особенно мне не нравится, когда возвышенно, с пафосом говорят о литературе, подчеркивая свою причастность к некоей не поддающейся разгадке деятельности. Но это совсем не значит, что я отрицаю талант. Божья милость - да! Звезда во лбу - да! Для пишущего очень важно точно уловить связь между собой и миром. Пишущий - должник жизни. И каждую секунду он слышит ее призыв. Для меня он звучит так: "Явь моя - мой долг!", ибо ощущение долга не внутри поэта, а вне его.

Ты чувствуешь обязательство перед каждым живым существом. Они зависят от тебя, ждут найденного тобой эпитета, образа. Все надеется на твою помощь - не только поэт, но прежде всего человек.

Многие мои стихи рождались в муках. Когда я писала "Оздоб", меня так трясло и колотило, что

родные испугались. Внутреннее состояние, непрекращавшееся в болезни, вылилось в стихотворение.

- Всегда ли вы помните, что вы поэт? Способны ли сохранить непосредственность в восприятии природы? Легко ли вам общаться с людьми?

- Я стараюсь никогда не думать, что я поэт. Я просто живой человек. Но замечаю - по степени моих мучений, по остроте восприятия окружающего, - что принадлежу к этой трудной профессии. О причастности к литературе говорю и трепетное отношение к чистому листу бумаги. Он страшен и радует, к нему стремлюсь, и боюсь. Повторю, что о своем признании поэта не думаю. И ничто не мешает общению с разными людьми, которым горжусь. И все же чувство долга, обязанность запечатлеть в слове мгновения бытия - всегда со мной.

- Раньше не часто, но можно было видеть ваши стихи в "толстых" журналах. А книги выходили крайне редко. Изменилось ли положение теперь?

- До 1985 года далеко не все редакторы меня печатали. А я свои стихи никогда никому не навязывала. Сейчас у меня много публикаций - газетных, журнальных, вышли три книги...

* * *

Многообразием и в закончу наш разговор с известной поэтессой. Потому что пока будет жизнь, людям будет нужна поэзия.

А. ШУНАВИКИН.
(РИА "Новости").